

Султанов А.Р.,
начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим»,
судья Третейского энергетического суда, член Ассоциации по
улучшению жизни и образования

Sultanov A. R.,
Head of Legal Division of Nijnekamskneftehim OJSC,
Judge of Energy Arbitration, member Association for Better
Living and Education (ABLE)

**Эссе о судебных процессах ограничения свободы выражения
мнений и свободы совести, уроках истории и
европейских стандартах**

**Essay about court's proceedings on restriction of freedom of expression
and freedom of worship, lessons of history and
European standards**

Краткая аннотация: в данном эссе автор рассматривает вопросы ограничения свободы выражения мнений, свободы совести через призму исторического опыта и практику Европейского Суда по правам человека. По мнению автора, надлежащий учет прежней практики подавления инакомыслия, может повлиять на соблюдение прав и свобод в настоящем.

Abstract: In this essay, the author investigates issues regarding restriction of freedom of expression, freedom of worship through a prism of historical experience and practice of the European Human Rights Court. In the author's opinion, appropriate consideration of the former practice of nonconformity suppression could affect observance of rights and freedoms at present.

Ключевые слова: свобода выражения мнений, свобода совести, ЕСПЧ, практика ЕСПЧ, европейские стандарты, инакомыслие, экстремизм.

Keywords: freedom of expression, freedom of worship, EHRC, practice of EHRC, European standards, nonconformity, extremism.

1. Урок 60-х XX века

*«Свобода граждан охраняется законом». Как это понимать «свобода»? Кому «свобода»? Куда, зачем, какая требуется «свобода» в свободном государстве?!
Значит, им нужна свобода продавать родину. Торговать людьми оптом и в розницу, как при рабовладельческом строе, свобода закрывать школы, больницы и открывать церкви по указке Ватикана и жечь на кострах инквизиции представителей науки, как они уже сожгли однажды Джордано Бруно... Не выйдет! Не позволим!..» 2*

Данное эссе не случайно начато с цитаты из повести А.Д. Синявского, публикация данной повести привела его к тюремной скамье. Именно с процесса Синявского и Даниэля [3] в 1966 году в СССР после небольшой оттепели было возрождено преследование за идеи.

В этой цитате наглядно показано, как даже фраза «свобода граждан охраняется законом» могла быть истолкована, как антигосударственная пропаганда, которую нужно запретить.

Эта цитата вообще-то из фантастической повести «Любимов», опубликование которой наглядно показало, правоту Синявского - его привлекли к уголовной ответственности за то, что его произведения были истолкованы, как антисоветская пропаганда. Повторимся, не за антисоветскую пропаганду, а за то, что его произведения были истолкованы, как антисоветская пропаганда.

Причиной возбуждения уголовного преследования Даниэля и Синявского стала публикация их литературных произведений под псевдонимами за границей (для сведения и сравнения: за публикацию за границей советский литератор В.Я. Тарсис был помещен в психиатрическую лечебницу и лишь за три дня до начала процесса Даниэля и Синявского получил разрешение на выезд в Англию, а в последующем лишен советского гражданства).

В ходе этого печально известного процесса абсурдность обвинения была очевидна не только правоведам: так, в одном обращении в Мосгорсуд была осуществлена попытка донести до суда, что «произведения искусства следует рассматривать не с точки зрения возможного субъективного истолкования кем-то, а с точки зрения их действительного объективного содержания» [4].

Еще до того, как начался судебный процесс, в центральных средствах массовой информации были опубликованы статьи о «перевертышах», в которых писателей клеймили оборотнями, отщепенцами, перевертышами и др. «Ничего не ведающим читателям была предложена крошка из цитат, сопровождаемая словами, рассчитанными вызвать отвращение к «двум отщепенцам, символом веры для которых стало двуличие и бесстыдство» [5], утверждениями, что «оба выплескивают на бумагу все самое гнусное, самое грязное», что в их призывах содержится «призыв к террору»

Приемы, использованные в прессе против писателей, заключавшиеся в неполном цитировании, выдергивании фраз из контекста, приписывание автору в качестве убеждений фраз героев произведений, осуществление подмен и добавлений, приписывание идей и негативные истолкования, были в полной мере использованы в судебном процессе. «Тюрьмы внутри нас», «правительства не в силах нас освободить», «мы сам себя сажаем» - фразы [6] из повести Даниэля «Искушение», которые направлены на пробуждение осознания собственной причастности и ответственности за мир, в котором мы живем, были также истолкованы для подтверждения антисоветского характера произведений писателя.

Несмотря на то, что они уже фактически были осуждены данными публикациями до суда, «Синявский и Даниэль нарушили омерзительную традицию «раскаяния» и «признаний» [7], вписали свои имена золотыми буквами в дело борьбы за свободу совести, за свободу творчества, за свободу личности [8]. Они не скрывали своего авторства, и умело разбивали обвинения, на наш взгляд, будь правосудие беспристрастным, приговор был бы оправдательным. Одно то, что они не побоялись защищать правду, и твердо встретили несправедливый приговор, показало, что их не смогли подавить. Они проявили пример гражданского мужества.

Но, к сожалению, надлежащие уроки из этого процесса так и не были извлечены, его инициаторы остались в тени.

Некоторые современные истолкователи—«эксперты» [9] не далеко ушли от процитированного в начале статьи метода истолкования. Так, один кандидат философских наук, проводя в 2009 году экспертизу лозунга «Свободу не дают, ее берут», почти процитировал повесть Синявского: «если лозунг: «Свободу не дают, ее берут» является верным с позиций правозащитника, то возникают правомерные вопросы: «Кто и зачем собирается «брать» свободу?», «У кого и почему ее необходимо «брать»?», «Кому и в каких целях понадобилась «дополнительная» свобода?» [10]...».

Синявский в своей фантастической повести лишь приводил допущение, как могла быть истолкована фраза «свобода граждан охраняется законом». Следует признать, что некоторые современные «экспертизы» namного перещеголяли его сатиру.

2. Урок 16 века

*«Помост. Палач. Здесь назревает драма.
Вокруг толпа. Негромкий разговор
Затих. А режиссер из Ватикана
Зачитывает смертный приговор.
Палач к столбу привязывает тело.
Разложен хворост. Факел подожжен.
Убийца в маске знает свое дело.
Язык огня и страшной боли стон.
Горит костер. Облизывая раны,
Огонь сжигает тело не спеша.
Горит, к столбу привязанный, Джордано.
Сгорает тело. Не горит душа.
Забыв о боли, смотрит с укоризной
Он на толпу обманутых людей.
Но не отрекся, даже ради жизни.
Презрел проклятья церкви и властей.
Костер погас. Любое тело тленно.
Сгорел толпой не понятый пророк.
Его душа осталась во Вселенной
И ищет то, что он найти не смог»
Юрий Шмидт «Джордано»*

Упомянутый в вынесенной в предисловие цитате итальянский монах Джордано Бруно был обвинен в ереси, в том числе за его веру в реинкарнацию

и бесконечные миры [11]. Хотя в советское время утверждалось, что он был сожжен, как ученый материалист, однако Католическая Церковь всегда утверждала, что он был осужден, как беглый монах, еретик. В настоящее время материалы процесса суда над Джордано Бруно [12], так же как и его книги [13] доступны в Интернете. Джордано Бруно был осужден по доносу Джованни Мочениго, венецианского дворянина, который обучался у Бруно мнемотехнике и другим наукам. Мочениго, узнав о желании Бруно уехать во Франкфурт, заподозрил, что Бруно хочет уехать, чтобы обучать других лиц тем же самым знаниям, которые преподавал ему. Обманом, заточив Бруно на чердаке, он пытался добиться от Бруно продолжения обучения, но получив отказ, передал его в руки инквизиции. То есть, фактически Бруно был передан в руки инквизиции недостойным и отвергнутым учеником, который хотел не только владеть знаниями Бруно, но хотел, чтобы эти знания были не доступны никому. Страх всегда порождается невежеством, страх перед знаниями и распространением знаний свойственен ограниченным людям, неспособным понять и использовать знания во благо.

Из материалов процесса видно, что Бруно утверждал, что никогда не писал и не выдвигал положений против католической церкви, но что они злостно извлечены слугами святой службы и выдвинуты против него. Он утверждал, что готов дать отчет во всем, что писал и говорил, и защищать против каких угодно богословов... То есть, он фактически был осужден за его убеждения. Так на вопрос о том, что он думает о том, что о души бессмертны и не переходят из одного тела в другое, он ответил: что: — Я держался и держусь мнения, что души бессмертны, представляют собой подлинные существа, самостоятельные субстанции, т. е. интеллектуальные души. Говоря по-католически, они не переходят из одного тела в другое, но идут в рай, чистилище или ад. Однако я обдумывал это учение с точки зрения философии и защищал тот взгляд, что если душа может существовать без тела или находиться в одном теле, то она может находиться в другом теле так же, как в

этом, и переходить из одного тела в другое. Если это неверно, то, во всяком случае, весьма правдоподобно и соответствует взгляду Пифагора [14].

В ходе «расследования» было очевидно лишь одно желание инквизиции, получить согласие Бруно с предъявленными ему обвинениями, можно сказать он был уже осужден еще до суда, мнение о его виновности было уже сформировано, факты были не важны. Ересь трактовалась, ошибкой в мышлении (*error in ration*) и упорством (*pertrnacia*) в ошибке.

Так и не согласившись с предъявленными ему обвинениями, он был лишён священнического сана и отлучён от церкви. 8 февраля 1600 инквизиционный трибунал своим приговором признал Бруно «нераскаявшимся, упорным и непреклонным еретиком», все его книги были приговорены к сожжению и были внесены в список запрещенных книг. Сам он был сожжен через 9 дней [15]. Он был уверен, что казнь лишь освободит его из бренного тела и в ответ на приговор Бруно заявил судьям: «Быть может вы произносите приговор с бóльшим страхом, чем я его выслушиваю».

Урок из данного процесса, на наш взгляд, должен был заключаться в осознании того, что в цивилизованном обществе преследование за инакомыслие недопустимо [16]. Что репрессиями с идеями нельзя бороться, равно, как нельзя запретить иметь убеждения отличные от убеждений большинства. Даже если эти идеи не нравятся большинству, эти идеи могут быть более истинными, соответствующими реальному положению вещей. Так, например, часть идей Бруно (в частности, об устройстве солнечной системы и наличии бесконечного количества звезд и планет), в настоящее время воспринимается как общеизвестный, неоспоримый факт, а отрицание их связывается с невежеством и мракобесием.

3. Урок процесса Жанны д'Арк

«...Жанна д'Арк была правдива в такие времена, когда ложь была обычным явлением в устах людей; она была честна, когда целомудрие считалось утерянной добродетелью... она отдавала свой великий ум великим помыслам и великой цели, когда другие великие умы растрачивали себя на пустые прихоти и жалкое честолюбие; она была скромна, добра, деликатна, когда грубость и необузданность, можно сказать, были всеобщим явлением; она

была полна сострадания, когда, как правило, всюду господствовала беспощадная жестокость; она была стойка, когда постоянство было даже неизвестно, и благородна в такой век, который давно забыл, что такое благородство... она была безупречно чиста душой и телом, когда общество даже в высших слоях было растленным и духовно и физически, – и всеми этими добродетелями она обладала в такое время, когда преступление было обычным явлением среди монархов и принцев и когда самые высшие чины христианской церкви повергали в ужас даже это омерзительное время зрелищем своей гнусной жизни, полной невообразимых предательств, убийств и скотства».

Марк Твен

Быть может, упорство Бруно и отказ в отречении от своих убеждений были вызваны осведомленностью о процессе над Жанной д'Арк, публичное отречение которой по требованию инквизиции не спасло ее от сожжения на костре.

В настоящее время ее имя, наверное, известно любому образованному человеку, в какой бы стране он ни жил. Ее короткой жизни посвящено большое количество произведений, в которых воздано должное освободительнице Франции. Но в данном эссе нас интересует только процесс над ней и ее осуждении.

В 1960 г. во Франции были заново опубликованы протоколы обвинительного процесса [17]. Осуществил это издание Пьер Тиссе - автор книги о суде над Жанной д'Арк. В 60-х годах прошлого века также вышла книга «Процесс Жанны д'Арк», написанная В. И. Райцес. Благодаря этим публикациям освещение процесса над Жанной д'Арк не составляет большого труда [18].

Процесс над ней начался 21 февраля 1431 после того, как освободительница Франции была пленена англичанами. Ее обвинили в ереси и осудили французские церковники. По всей видимости, для расправы с Жанной д'Арк англичане выбрали такую форму расправы, как наиболее эффективную и отвечающую их интересам - приговор церковного суда можно было, по их мнению, использовать в качестве средства воздействия на общественное мнение. Как отмечает В.И. Райцес [19], немалое значение имело и то обстоятельство, что благодаря упрощенному характеру самого

инквизиционного судопроизводства эту расправу можно было осуществить сравнительно легко, сохранив при этом видимость полнейшей «законности» [20].

В основе деятельности инквизиционных трибуналов лежал принцип презумпции виновности, согласно которому подсудимый считался в глазах судей заведомо виновным до тех пор, пока ему не удавалось доказать обратное. Другими словами, не обвинение должно было доказать вину подсудимого, а он сам свою невиновность. В полном соответствии с этим принципом средневековые юристы разработали учение о подозрении как достаточном основании для действий церковного трибунала. Человека можно было привлечь к суду, не имея никаких доказательств его вины, кроме подозрения в ереси, источником которого мог быть любой оговор, анонимный донос или мнение самого инквизитора. Инквизиционное судопроизводство было не чем иным, как узаконенным произволом [21].

Надо отметить, что в настоящее время для возбуждения производства о признании материалов экстремистскими в России не требуется никаких доказательств экстремистских действий, а лишь достаточно умозаключения прокурора о том, что та или иная литература является таковой.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год [22] обращено внимание на то, что причиной обращения прокуратуры Республики Татарстан в Коптевский районный суд с заявлением о признании книг экстремистскими послужил факт собрания граждан на частных квартирах для ознакомления с религиозной литературой. Надо отметить, что нередки случаи, когда прокурор, участвующий в деле, даже не открывал книги, признания которой экстремисткой он требует в суде...

Но вернемся к процессу над Жанной. Вначале обвинение Жанны д'Арк состояло из семидесяти статей, но эти «Семьдесят статей» были забракованы на заседании трибунала, и было решено составить обвинительное заключение заново. Сделать это поручили парижскому теологу Никола Миди, который составил новое обвинение из 12 статей.

В этом обвинении вообще не давалось оценки поступкам и словам подсудимой, каждая статья представляла собой подборку показаний Жанны, относящихся к одному из главных предметов следствия. Выдержки из показаний Жанны представляли собой выданные из контекста фразы, кроме того, подкорректированные для того, чтобы их было легко истолковать как подтверждающие обвинение.

Как отмечает В. И. Райцес, «подобно первому варианту обвинительного акта "Двенадцать статей" были фальсификацией, но более тонкой и квалифицированной [23]. Она заключалась в одностороннем подборе извлечений из показаний Жанны и в их тенденциозной редакции. Так, например, в VIII статье, где речь шла о "прыжке с башни Бореуара", воспроизводились (неточно) слова Жанны о том, что она предпочитает смерть английскому плену, и опускалось то место из ее показаний, где она говорила, что, бросившись с высокой башни, она думала не о смерти, но о побеге. Следующая статья приписывала подсудимой уверенность в собственной непогрешимости: "...она полагает, что не может больше впасть в смертный грех". В действительности же, отвечая на соответствующий вопрос следователя, Жанна сказала, что ей об этом ничего не известно, но она ждет милости от господ. В таком же духе были обработаны и другие ее показания» [24].

Искушенный читатель может легко провести параллель между этим способом фальсификации и способом используемом современными «сектоборцами», которые не ушли далеко от обвинителей Жанны и плодят свои «заклучения» на основе фраз, вырванных из контекста, и путем их тенденциозного истолкования.

Итак, что же вменяли Жанне д'Арк? Ее обвиняли в том, что она слышала голоса [25], и что она действовала по воле "голосов" и видений, утверждая, что действует по воле божьей и его посланников, что она ходит в мужском платье, проявляет непослушание родителям, совершила попытку самоубийства

(которая на самом деле была попыткой побега), обладает уверенностью в спасении своей души и отказывается подчиниться воинствующей церкви.

Но надо отметить, что ее саму с этим обвинением никто не знакомил. В то же время, обвинительное заключение разослали многочисленным «консультантам» и «экспертам». В сопроводительном письме просили сообщить в наикратчайший срок мнение относительно содержащихся в обвинительном заключении показаний подсудимой:

"Не противоречат ли эти показания или некоторые из них ортодоксальной вере, святому писанию, решениям святой римской церкви, одобренным этой церковью мнениям и каноническим законам; не являются ли они возмутительными, дерзкими, преступными, посягающими на общий порядок, оскорбительными, враждебными добрым нравам или как-нибудь иначе неблагоприятными, и можно ли на основе названных статей вынести приговор по делу веры?"

За очень короткое время в трибунал поступило более 40 экспертных заключений - за осуждение подсудимой высказались 2 епископа, 3 аббата, 18 докторов богословия, 4 доктора канонического права, 8 бакалавров-теологов и 11 лиценциатов-правоведов, руанский капитул и коллегия адвокатов архиепископского суда. Такое единодушие было вызвано не только тем, как было составлено обвинительное заключение, искажившее факты, но и потому что обвинительное заключение рассылалось тем, кто полностью зависел от английской администрации и ревностно служил оккупантам, и ожидать беспристрастного подхода было бы глупо.

Не был беспристрастен и Парижский университет - самое авторитетное учреждение французской церкви, оплот теологии, который не только на специальном заседании утвердил заключение факультетов теологии и канонического права по делу Жанны, в котором квалифицировал "преступления" Жанны как ересь и ведовство, но направил послание королю Англии и Франции Генриху VI. В данном послании, университет не просто сообщал о своем мнении, но умолял короля распорядиться, "чтобы это дело

было бы срочно доведено правосудием до конца, ибо промедление и оттяжки здесь очень опасны, а отменное наказание крайне необходимо для того, чтобы вернуть народ, который сия женщина ввела в великий соблазн, на путь истинного и святого учения".

Конечно же, ее судьба была предрешена еще до суда, ее попытка просить апелляцию у Папы римского была проигнорирована и даже обещанное ей прощение в случае отречения было лишь фарсом. 30 мая 1431 Жанна д'Арк была сожжена заживо на площади Старого Рынка в Руане. На голову Жанны надели бумажную митру с надписью «Еретичка, вероотступница, идолопоклонница» и повели на костёр. «Епископ, я умираю из-за вас. Я вызываю вас на Божий суд!» — с высоты костра крикнула Жанна и попросила дать ей крест. Палач протянул ей две скрещённые хворостины. И когда огонь охватил её, она крикнула несколько раз: «Иисус!».

Заказчики убийства Жанны постарались оповестить о нем всех, кого могли. В июне английское правительство направило письмо императору Германии, королям, герцогам и "другим государям всего христианского мира". В нем оно излагало историю "некоей колдуньи, появившейся недавно во французском королевстве и понесшей только что наказание за свои преступления". В письме подчеркивалось, что Жанну судили не за ее политическую деятельность, а за ересь и ведовство. В таком же духе была составлена грамота Генриха VI, адресованная духовенству, дворянству и горожанам оккупированных районов Франции. Парижский университет сообщил в свою очередь папе, императору и коллегии кардиналов об исходе руанского процесса, воздав хвалу тому рвению, с каким была защищена целостность христианской религии: «Столь ясный пример покажет всем верующим христианам, что нужно следовать учению церкви и наставлениям прелатов вместо того, чтобы внимать выдумкам женщины, погрязшей в ложных суевериях».

После окончания войны в Нормандии в 1452 году Карл VII велел собрать все документы, относящиеся к процессу над Жанной, и предпринять

расследование его законности. Следствие изучило документы процесса, опросило оставшихся в живых свидетелей и единодушно пришло к выводу о том, что в ходе процесса над Жанной допускались грубейшие нарушения закона. В 1455 году папа Каликст III повелел провести новый процесс и назначил трёх своих представителей для наблюдения над ним.

Суд заседал не только в Руане, но и в Париже, и Орлеане, также проводилось расследование в родных краях Жанны. Легаты папы и судьи допросили 115 свидетелей, в том числе и мать Жанны, её товарищей по оружию, простых жителей Орлеана, для сравнения - в первом процессе над Жанной не был допрошен ни один свидетель, были лишь «экспертизы».

В июле 1456 года судьи зачитали вердикт, который гласил, что каждый пункт обвинения против Жанны опровергается показаниями свидетелей. Первый процесс был объявлен недействительным, доброе имя Жанны было восстановлено.

В 1909 году папа Пий X провозгласил Жанну блаженной, а 16 мая 1920 года папа Бенедикт XV канонизировал её, признав Жанну святой. В настоящий момент практически в каждой католической церкви во Франции есть статуя святой Жанны д'Арк.

Самый главный урок данного процесса заключается в том, что как ни старались судьи Жанны придать законность процессу и подкрепить его «экспертными заключениями» небеспристрастных «экспертов», как ни старались исказить ее слова и истолковать с целью придания видимости правдивости ее обвинения и законности ее осуждения, эта видимость и осталась видимостью, при внимательном рассмотрении не скрывавшей правды, которая восторжествовала, рассеяв туман лжи обвинения и «экспертных» заключений. Суд истории показал, что «ересь» Жанны заключалась лишь в желании свободы для своей страны и насколько бесполезно прятать ложь под видом отправления правосудия.

В настоящее время у всех жителей Европы, включая жителей России, есть возможность искать правду в Европейском Суде по правам человека (далее ЕСПЧ), не оставляя разрешение несправедливости на суд истории.

4. Уроки самого известного процесса о подавлении свободы совести.

«Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы».

Евангелие от Иоанна глава 3, 19-20.

«Люди, открывшие для нас закон любви, были более великими учеными, чем любой из наших современных ученых».

Мохандас Карамчанд Ганди «Моя вера в ненасилие»²⁶

Суд над Жанной был замаскирован под суд над ересью в учении Христа, но само христианство долгие годы было под подавлением. Ранних христиан сжигали, бросали на растерзание львам, их обвиняли в различных преступлениях, которых они не совершали [27].

Но в данной статье мы не будем рассматривать притеснения христиан [28], хотя они также могли быть хорошим уроком и должны были бы научить быть более терпимым к верованиям других [29]. Мы кратко рассмотрим самый известный процесс о подавлении свободы совести – суд над Христом.

Данный процесс подробно анализировался, наверное, так часто, как не анализировался никакой другой. В данной статье мы воспользуемся анализом, произведенным А.П. Лопухиным в книге «Суд над Иисусом Христом» [30].

В данной книге профессор А.П. Лопухин анализирует оба состоявшихся процесса над Иисусом Христом, которые осуществлялись по формам, существующим в различных правовых системах. Причем обе формы судопроизводства были достаточно развиты. Лопухин А.П. их описывает так: «по общему убеждению правоведов, самое важное место между всеми юриспруденциями занимает юриспруденция древнего Рима, а самая своеобразная из них, и притом высокоценяемая христианским миром, была юриспруденция Иудейского государства» [31].

При анализе данного процесса профессор Лопухин А.П. поставил большое количество вопросов: было ли два судопроизводства или одно? Было ли второе

судопроизводство простым обозрением первого или же первое было только предварительным в отношении ко второму? Были ли соблюдены формы: в одном случае еврейского, а в другом — римского закона, и хотели ли соблюсти их? Пытались ли в том и другом случае, с соблюдением или без соблюдения форм, достигнуть правосудия по существу дела? Было ли решение в обоих случаях справедливо по форме, т.е. достигнуто ли оно путем, согласным с еврейскими и римскими правилами судопроизводства? Было ли оно справедливо по существу, т.е. согласно с тогдашними еврейскими или римскими законами? И пр. На основе тщательного анализа, был сделан вывод, что по этому делу происходило два судопроизводства, и оба они велись с некоторым соблюдением форм, предписанных двумя самыми славными юриспруденциями мира.

По результатам анализа иудейского процесса над Христом были сделаны выводы, что: «Суд начался, продолжался и, как кажется, был кончен в течение одной почти ночи; свидетели против Обвиняемого были подысканы судьями, но свидетельские показания не могли быть приняты даже и такими судьями. Причем суд начался перекрестными допросами, которых еврейский закон не позволял, и окончился требованием собственного сознания, прямо запрещенным еврейскими толкователями закона. За судом последовал двадцатью четырьмя часами раньше законного срока приговор, признавший богохульством заявления права на достоинство Исполнителя надежд Израиля. Такой суд не имел ни форм, ни добросовестности законного судопроизводства» [32].

Подробный анализ римского процесса над Христом, показал, что в определенной части форма процесса была соблюдена, но суд был несправедлив, и суд был недобросовестен, что привело к тому же результату, что и в иудейском процессе. Иисус Христос был осужден на основании двойного обвинения в государственной измене. Он умер за то, что пред религиозным собором — иудейским судом - провозгласил себя Сыном Божиим и Мессией Израиля, а перед римским светским судилищем - провозгласил себя Христом Царем.

Главный урок данного процесса заключается в том, что даже наличие совершенной системы правосудия (по тем временам и иудейская, и римская системы судопроизводства были, наверное, одними из обеспечивающих справедливость правосудия) не может гарантировать того, что правосудие состоится, когда суд отправляется небеспристрастными и недобросовестными судьями.

Надо отметить, что реализация этого урока и в настоящее время является большой проблемой, но без обеспечения реальной независимости суда, без создания более совершенных процедур отвода, как бы мы не совершенствовали судопроизводство, справедливости в наших судах не прибавит.

Другой урок заключается в том, что добросовестное исполнение судебных процедур, а не создание видимости их соблюдения, является одним из способов обеспечить справедливый результат судопроизводства.

Соответственно, требование строгого соблюдения процессуальных норм не должно восприниматься, как прихоть вышестоящих инстанций. Надо отметить, что судебный процесс, проведенный с нарушением процессуальных норм, не только нарушает процессуальные права, но отдаляет суд от возможности вынести правосудный акт.

Надо отметить, что профессор Лопухин не только проанализировал ход процесса, но и возможные причины преследования христианства.

Ведь политика Рима, как завоевательной державы, в отношении к религиям покоренных государств была политикой терпимости. Так Рим терпимо относился к иудейской религии. Лопухин объясняет это тем, что «древняя иудейская религия имела то парадоксальное свойство, что, с одной стороны, была религией национальной, или местной, а с другой — предъявляла право быть исключительно истинной религией. Соединением этих двух качеств объясняется то обстоятельство, что римляне с полным убеждением приписывали ей враждебность к человеческому роду. Это недоразумение естественно навлекло на себя вера, которая признавала ложными верования

всех других людей, но не призывала их к участию в своих дарах. Но самый недостаток наступательного в иудаизме спасал его от столкновений» [33].

Уступки, сделанные римлянами в отношении к религиям завоеванных областей ограничивались правилом: *cujus regio, ejus religio* (чья страна, того и религия). Местные религии терпелись и не имели прав на публичность и на приобретение новых последователей и были обречены на пассивное и частное существование. Как указывает Лопухин, даже когда такая религия допускалась на Тибре, то исключительная преданность ей была терпима только в уроженцах страны, из которой она происходила, и не была никогда дозволена римским гражданам.

Христианство, возникнув, не только заявляло право на исключительную истинность, но и выступало против всякого ограничения себя какими бы то ни было пределами. Христианство не было ограничено узким кругом последователей по национальному или территориальному признаку, оно по своему существу являлось наступательным, везде ища себе последователей, требуя, чтобы его приняли все люди — приняли римляне и греки, варвары и иудеи. Собственно говоря, именно это и послужило основанием для преследования христиан.

Данные выводы, в настоящем времени, по прежнему могут дать ответ на причины подавления и преследования некоторых религиозных групп в настоящее время. Ведь и в настоящее время наибольшему подавлению подвергаются те религиозные деноминации, которые больше занимаются распространением своих религиозных убеждений и привлечением новых последователей.

Впрочем, это отражает закономерность, но само существование преследования и подавления религиозных организаций в двадцать первом веке нам трудно понять и тем более объяснить. По всей видимости, нужно предпринимать меры не для объяснения преследования инакомыслящих, а для прекращения преследования инакомыслящих.

Смерть Иисуса Христа начала новую эпоху, эпоху, в которой любовь к ближнему и праведность должны были обеспечить жизнь после смерти, причем в раю. Заповеди Христа были тем цивилизующим стержнем, который позволил состояться европейскому сообществу, в том виде, в котором оно существует. Но в нашем европейском сообществе (к которому мы себя причисляем, поскольку Россия является членом Совета Европы), несмотря на господство христианства многие христианские заповеди не стали реальностью нашей жизни.

Хотя, уважение свободы совести, убеждений в настоящее время и относится к общепризнанным международным принципам права, вполне возможно, что если бы сейчас состоялось второе пришествие Христа, то его могли записать в экстремисты и попытаться воспрепятствовать проповедовать его идеи добра.

5. Уроки черепкового правосудия.

«...Духовные интересы составляют самое содержание, самую сущность человеческой личности – то, что дает ей ощущение ее подлинного «я» и от чего она не может отказаться, не переставая быть самой собою. Вот почему религиозные и нравственные убеждения способны бросить маленькую горсть людей, даже одного единственного человека, на самую решительную борьбу с огромным обществом, со всемогущим государством. Вот почему самый вопрос о неотъемлемых правах личности был поставлен впервые именно в этой области. Раз государственное или общественное вмешательство грозит сломать в человеке его самое ценное, грозит убить самую его духовную сущность, нет ничего удивительного, если он примет решение или отстоять себя, или погибнуть. Чем более растет человеческое самоосознание, тем более растет и ценность духовной свободы. Борьба личности за свои права является, таким образом, в этой области борьбой за свободное целепологание, за нравственную свободу. Человек хочет свободно искать Бога и его правды, ибо только свободно признанный Бог есть Бог; принудительно навязанным может быть только идол»³⁴

И.А Покровский «Основные проблемы гражданского права»

«Осуждение Сократа нельзя объяснять случайным стечением обстоятельств или извинять его судебной ошибкой. Великий и неумирающий интерес этой драмы, ее общечеловеческое значение обуславливается тем, что здесь произошла действительная коллизия добра и зла, света и тьмы. Сократ пал жертвою ложного национализма, ложного патриотизма и ложного правоверия».

Было бы неправильным в данном эссе не упомянуть осуждение еще одного великого человека, который по настоящее время оказывает сильнейшее влияние на европейскую цивилизацию. Этот великий человек, осужденный посредством черепкового правосудия [35], имевший возможность ускользнуть от обвинения или избежать смерти признанием вины и выплатой штрафа, предпочел испить чашу яда. «Смерть Сократа, — как, отмечает В.С. Нерсисянц, автор монографии «Сократ» — придала его словам и делам, всему, что с ним связано, ту монолитную и гармоническую цельность, которая уже не подвержена коррозии времени» [36].

Более того, последующим поколениям он оставил благородный пример, следуя которому бесчисленные новые служители истины содействовали торжеству духовного начала в человеке, а вместе с тем и бессмертию великого афинского мудреца, впервые сделавшего это начало исключительным предметом философии [37].

Некоторые историки отмечают, что «самым поразительным в жизни Сократа, одновременно необычной и заурядной, была исключительная плодотворность увенчавшей ее смерти. Эта смерть подняла целую плеяду свидетелей — учеников и противников, — которые говорят нам на протяжении веков, пусть даже иногда противореча друг другу, о значении учения Сократа и правды, ради которой он отдал свою жизнь» [38].

Хотя, сам Сократ не оставил литературных источников, его мысли и идеи пережили жизнь Сократа в теле, благодаря своим ученикам. О процессе над Сократом нам тоже известно из трудов его учеников Платона [39] и Ксенофонта. Причем их повествования настолько хороши, что собравшись их цитировать, ловишь себя снова и снова на том, что вновь пленен текстом, который снова завладел всем вниманием.

«Процесс Сократа является первым, отчетливо зафиксированным в европейской традиции примером принципиальной идеологической коллизии критически мыслящей личности с традиционным общественным порядком.

Более того, глубина заявленных идей и высокий пафос отстаивавших их сторон придают этому делу ту особенную окраску, благодаря которой ему, как делу в своем роде типическому, суждено навеки остаться в памяти людей» [40].

Конечно же, для того, чтобы составить полное впечатление о процессе над Сократом, мы должны адресовать читателя к описанию процесса его учениками, но для целей нашего эссе, вполне достаточно краткого описания обвинения и хода процесса.

Итак, Сократ был обвинен в том, что не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие новые божества, он был также обвинен в том, что развращает молодежь [41].

Его обвинители усматривали развращение молодежи усматривали в том, что «Сократ учил своих собеседников презирать установленные законы: он говорил, что глупо выбирать правителей государства посредством бобов [42], тогда как никто не хочет иметь выбранного бобами рулевого, плотника, флейтиста или исполняющего другую подобную работу, подобные речи, говорил обвинитель, возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность к насильственным действиям» [43].

Мы сочли возможным воспроизвести данное обвинение, поскольку прием обвинителей Сократа, по-прежнему, «жив» и используется для подавления инакомыслия. Этот прием заключается в использовании некоторых высказываний автора в отрыве от контекста и путем их искажения, и прибавления к ним собственного «понимания», а точнее их истолкования. В приведенной выше цитате видно, что логическая цепочка - «критика выборов путем бобов, вызывает склонность к насильственным действиям», ущербна.

Хотя Сократ неоднократно высмеивал выборы посредством бобов, в результате которых у власти оказывались некомпетентные лица, он был очень далек от проповеди насильственной смены существовавших порядков. Что могло быть подтверждено допросом свидетелей по вопросу о «развращении молодежи». Но просьба Сократа о допросе свидетелей была проигнорирована.

Весьма показательным является злонамеренное истолкование обвинителями Сократа факта частого цитирования им слов древнегреческого поэта Гесиода: «Дела позорного нет, и только бездействие позорно». Сократ при этом имел в виду порочность лени и пренебрежения к труду. Обвинители же истолковали сократовское цитирование этого места из Гесиода как оправдание всякого действия, в том числе дурного и позорного.

Не можем не упомянуть еще одного приема, примененного против Сократа, который заключался в том, чтобы заранее возбудить предвзятость к его защитной речи и тем самым попытаться сохранить видимость обоснованности обвинения. Обвинители Сократа знали, что видимость, не являющаяся правдой, легко разрушается при внимательном ее рассмотрении.

Ниже приведем то, как Платон описал реакцию Сократа на применение этого приема: «Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Тем не менее, говоря без обиняков, верно они ничего не сказали. Но сколько они ни лгали, всего больше удивился я одному - тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством; не смутиться перед тем, что они тотчас же будут опровергнуты мною на деле, как только окажется, что я вовсе не силен в красноречии, это с их стороны показалось мне всего бесстыднее, конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; а если это они понимают, то я готов согласиться, что я - оратор, только не на их образец» [44].

Надо отметить, что этот способ применялся и применяется борцами с инакомыслием. Так, например, преследователи мусульман, скрывавшихся от своих преследователей в Эфиопии, направили послание к Царю Эфиопии: «Группа сумасшедших жителей нашего города нашли убежище в вашем государстве. Они социально опасны и им нельзя доверять. Они отказались от веры своих предков, но они не приняли и вашу веру. Нет, они измыслили себе какую-то новую веру, о которой никто никогда не слышал. Правители нашего

города требуют, чтобы вы выдали нам этих умалишенных. Мы просим вашего понимания и поддержки в этом вопросе и просим, чтобы вы не вступали с ними ни в какие переговоры...» [45]. Возможно, то, что порой участники процесса, да и сами судьи не открывают книг, признаваемых впоследствии экстремистскими, есть лишь, продолжение применения данного способа?

Но вернемся к рассматриваемому процессу. Сократ при построении своей защиты отказался от услуг профессиональных защитников и отказался произнести речь, подготовленную в духе тогдашних судебных выступлений, направленных на создание благоприятного восприятия афинскими судьями, так называемой «правильной» защитительной речи, исполненной обычных в таких случаях уловок и молений о снисхождении, отказался он и вести на суд своих плачущих детей, хотя это было обычным действием, направленным на смягчение судей [46].

Друзья предостерегали его: «Разве ты не знаешь афинских судов? Часто судьи, раздраженные речью, выносят смертный приговор людям ни в чем не виновным; часто, напротив, оправдывают виновных потому, что они им говорят приятные им вещи [47].

Отказавшись от помощи, Сократ защищался сам, предпочтя сохранение целостности защите путем льстивых речей, и выступал в своей обычной манере опровержения мнений, доводов и предрассудков своих противников.

«...Вы не услышите речи разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, - правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью. Так вот я и прошу вас убедительно и умоляю, о мужи афиняне: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума. Дело-то вот в чем: в первый раз пришел я теперь в суд, будучи семидесяти лет от роду; так ведь

здешний-то язык просто оказывается для меня чужим, и как вы извинили бы меня, если бы я, будучи в самом деле чужеземцем, говорил на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, - позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош - все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора - говорить правду».

Другой прием, использованный против Сократа – это, то, что, в настоящее время, принято называть черным пиаром, активно применяемым не только против религиозных меньшинств, но и в ходе предвыборной конкуренции – создание негативного представления о человеке путем распространения о нем всевозможных слухов с целью подорвать его репутацию. Причем атака на Сократа началась задолго до его официального обвинения, его оппоненты даже заказывали комедии, в которых высмеивался Сократ и в которых Сократу приписывались негативные и нелепые убеждения и действия. Все это делалось для того, чтобы Сократ фактически был осужден людьми еще до его обвинения, и причем осужден заочно, без возможности опровергнуть клевету и ложь.

Сократ в своей речи, обращенной к судьям, указал, что его «обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами, словом - обвиняли заочно, в отсутствие обвиняемого. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь [48], разве вот только сочинителей комедий. Ну а все те, которые восстанавливали вас против меня по зависти и злобе или потому, что сами были восстановлены другими, те всего неудобнее, потому что никого из них нельзя ни привести сюда, ни опровергнуть, а просто приходится как бы сражаться с тенями, защищаться и опровергать, когда никто не возражает. Так уж и вы тоже согласитесь, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни - обвинившие меня теперь, а другие - давнишние, о которых я сейчас говорил, и признайте, что сначала я должен защищаться против

давнишних, потому что и они обвиняли меня перед вами раньше и гораздо больше, чем теперешние».

Сократ в свойственной ему манере на суде отклонил оба предъявленных ему обвинения как нелепые и необоснованные, и, настойчиво обращал внимание на благодетельности своей просветительской миссии для Афин. Он держался перед судьями с достоинством, продиктованным сознанием исполненного долга, что могло быть воспринято судьями, как гордыня. Как отмечают исследователи наиболее впечатляет, то что в своей защите он подчеркивал значимость его философской миссии; его проповеди о зависимости благополучия общества от состояния личности и о предпочтительности духовного совершенства перед преуспеянием материальным. Пожалуй, здесь и находится тот идеологический разрыв в мировоззрениях Сократа, и традиционными ценностными установками полисного строя жизни.

Сократ понимал этот разрыв, но не считал возможным для себя, отказываться от своих убеждений и осознания правильности своего подхода к жизни. Он сохранил свою целостность [49], понимая ее важность и ставя ее важность выше смерти тела.

«От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее - уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, достигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, - тем, что идет проворнее, - нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, уйду на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они - при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно... В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше» [50].

Дело об обвинении Сократа было предрешиено заранее: и путем распространения слухов, а также резкого идеологического конфликта, заключавшегося в отстаивании Сократом примата личного духовного совершенства, в отстаивании правды, которая могла не совпадать с мнением большинства и которая должна была произнесена, и защищена ей же самой даже вопреки мнению большинства.

Не можем не привести примера, как порой осуществлялось черепковое правосудие - когда афиняне шумели о том, чтобы изгнать Аристида, к нему подошел какой-то человек, неученый и неграмотный, с черепком в руке и попросил написать ему имя Аристид, на вопрос Арситида, знает ли он Аристида, тот ответил: «Нет, но мне надоело слушать, как все его только и зовут, что Справедливый да Справедливый... » [51].

Несмотря на предрешиенность процесса, результаты голосования после первого обмена речами, Сократ был признан судом виновным большинством в 280 голосов против 220. Всего лишь 60 черепков... что было неожиданностью для Сократа, который не ожидал столь малого перевеса.

Но выступая второй раз, после того, как он уже был признан виновным и стоял вопрос о мере наказания он не только не молил о снисхождении, не только не предлагал как того требовал обычай, какого-либо более умеренного для себя наказания, например в виде штрафа, наоборот он требовал для себя, за свое служение городу, высшей награды, определявшейся, например, победителям на Олимпийских играх или тираноубийцам, — кормления в пританее [52].

В результате второй речи за предложение обвинителей определить ему наказанием смерть проголосовало 360 судей, против — только 140.

Резкая перемена в настроении суда, выразившаяся в увеличении противных Сократу голосов еще на 80, теперь и в самом деле могла быть обусловлена впечатлением от горделивой речи обвиняемого, не пожелавшего признать себя виновным после того, как суд признал его виновным. Можно

утверждать, что Сократ был приговорен к смерти за то, что он отказался признать компетенцию и верховенство суда над ним.

Его отказ от компромисса с обвинением, фактически ставил под сомнение и самый приговор, и право народного суда решать его дело. Сократ тем самым бросил вызов суду, который на самом деле приговорил его к смерти, защищая свое право судить Сократа.

Пожалуй, можно утверждать, что это Сократ приговорил судей за их несправедливый суд. Уже после смертного приговора Сократ прощался словами: «Но вот уже время идти отсюда, мне - чтобы умереть, вам - чтобы жить, а кто из нас идет на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога».

Оценки данного процесса различны, но некоторые из них не столь известны, так например римский стоик Эпиктета рассматривал позицию Сократа на суде, как выразительный пример отношения к жизни как к игре, игре в мяч. «Следовательно, — говорил он, — и Сократ мог играть в мяч. Каким же образом? Он мог играть в мяч в зале суда. Но что за мяч был у него тогда под руками? Жизнь, свобода, изгнание, яд, утрата жены, дети, обреченные на сиротство. Вот что было под рукою, чем он играл. Но тем не менее он играл и бросал мяч, как то следует» [53].

В течение месяца в ожидании казни Сократ продолжал общаться с друзьями и учениками, беседовал с ними на разные темы, но решительно отклонял все предложения о побеге. Страшнее смерти он по-прежнему считал измену своему долгу и своим идеалам, в частности, и своему представлению о справедливости, которые не позволяло ему отвечать на несправедливость — несправедливостью, на неправый приговор государства — столь же неправым уклонением от подчинения этому приговору [54].

Хотя, быть может он не желал облегчать своим судьям бремя тяжелой ответственности, которую они взяли на себя, осудив его на смерть. Его побег, безусловно, облегчил бы их совесть, избавив афинян от необходимости казнить его.

Но, по всей видимости, Сократ твердо убежденный в бессмертии и переселении душ, не боялся смерти тела. Об этом мы можем прочитать в платоновском Федоне, в котором описывалось, что Сократ полагал, что тело лишь темница для души, от которой не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать: «... Раз наша душа существовала ранее, то, вступая в жизнь и рождаясь, она возникает неизбежно и только из смерти, из мертвого состояния. Но в таком случае она непременно должна существовать и после смерти: ведь ей предстоит родиться снова [55].

Идеи, высказанные Сократом, отчасти перекликаются с пифагорейским учением о таинстве жизни и смерти, согласно которого тело — темница души и что освобождение души от оков тела наступает лишь со смертью....

Не можем не упомянуть, того, что Пифагор [56], которого можно смело назвать первым философом, поскольку, именно он ввел в оборот слово «философ», основатель религиозной школы, которая оказывала огромное влияние, сам был подвергнут преследованиям за свое учение. Атаку на пифагорейцев организовал один из кандидатов в ученики, некто Килон, не принятый в школу Пифагора [57], который перед толпой зачитывал выдерганные слова из книги Пифагора, искажая их и придавая им совершенно иной смысл. Когда один гражданин воскликнул: «Но пусть будет дозволено Пифагору и пифагорейцам прийти сюда и оправдаться, прежде чем мы приговорим их», но здравый смысл не был услышан. Позже, дом, в котором находились ближайшие ученики Пифагора и сам Пифагор [58], был окружен сообщниками Килона и подожжен, лишь два ученика его спаслись [59]...

Но вернемся к процессу Сократа, который можно назвать одним из первых проектов по стратегической защите прав человека. При стратегической защите прав человека судебный процесс используют для того, чтобы добиться долговременных результатов, выходящих за рамки одного дела, основное внимание уделяется не интересам конкретного лица, а реформе законодательства или изменению государственной политики, хотя в стратегическом процессе могут ставиться обе эти цели. При этом

стратегическое судопроизводство может не принести пользы той группе, которая участвовала в процессе, но принести пользу всему обществу [60].

Сократ мог избежать процесса, покинув Афины, но он предпочел судебный процесс, который провел именно, как стратегический процесс. На самом деле, те, кто полагал себя обвинителями и судьями, были обвинены Сократом и переданы им на Суд истории. Сократ если разыгрывал игру, то, безусловно, он выиграл, сохранив свою честь и добившись того, что право на свободу личности и свободу убеждений были подняты на высоту, которая теперь называется европейскими стандартами.

У Сократа мы можем учиться и учиться. Его преданность своим идеалам, его целостность, по настоящий момент вдохновляют на борьбу за свободу мысли и справедливость.

Фактически всю европейскую историю можно описать, как движение двух противоположных начал - недопущение инакомыслия и борьба за свободу мысли, за справедливость. В результате длительной борьбы за свободу мысли родились европейские стандарты, которые защищаются Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Но наличие данных стандартов еще не означает, что они будут соблюдаться автоматически – борцы с инакомыслием существуют и в настоящее время, но об этом ниже.

6. Урок начала XXI века.

Прокурор Северного административного округа г. Москвы обратился в суд с представлением о ликвидации и запрете деятельности «Религиозной общины Свидетели Иеговы в г. Москве».

В обоснование представления прокурор ссылался на то, что в литературе, печатных изданиях, распространяемых Московской общиной, содержатся признаки разжигания религиозной розни, то есть действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности; вовлекают подростков и несовершеннолетних детей в деятельность организации и т.д.

Суд, рассмотрев данное представление, пришел к следующим выводам: «каких-либо фактов умышленного разжигания религиозной розни, фактов

призывов к дискриминации, вражде или насилию, принуждению к разрушению семьи, посягательства на личность, права и свободы граждан... прокурором не представлено и судом не установлено... Суд приходит к выводу о том, нет никаких оснований для ликвидации и запрета деятельности религиозной общины Свидетелей Иеговы в г. Москве, т.к. не было установлено, что данная община в г. Москве нарушает Конституцию РФ и законы РФ, разжигает религиозную рознь, принуждает к разрушению семьи, посягает на личность, права и свободы граждан; склоняет к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии».

Но по протесту прокурора 30 мая 2001 года Московский городской суд отменил решение от 15 июля 2001 года и направил дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Московский городской суд указал, что районный суд дал неверную оценку обстоятельствам дела, и следовало назначить повторную комплексную судебную экспертизу для устранения имеющихся противоречий.

При новом рассмотрении Головинский районный суд г. Москвы от 26.03.2004 г. вынес решение, в котором, в частности, было указано, что «...по заключению религиоведов Овсиенко Ф.Г., Галицкой И.А., членов экспертной комиссии, составивших комплексное заключение, литература, распространяемая религиозной общиной г. Москвы, содержит взгляды и идеи, подрывающие уважение к другим религиям. Наличие в литературе критических высказываний в адрес других конфессий подтвердили и другие религиоведы, в частности Гордиенко Н.С., Шабуров Н.В., специалисты Института религии и права, Иваненко С.И. [61] В результате анализа содержания и понимания текстов психолингвист и лингвисты пришли к выводу о том, что в представленной на экспертизу литературе деятельность существующих религиозных организаций оценивается отрицательно... В то же время суд не установил доказательств, подтверждающих факты каких-либо конфликтов на религиозной почве, спровоцированных членами религиозной

общины Свидетелей Иеговы г. Москвы. В соответствии со ст. 17 Конституции РФ и традиционно сложившимся многоконфессиональным укладом в России гарантируется право человека выбирать, исповедовать выбранную им религию, убеждать окружающих в правильности своей веры, свободно выражать свое мнение по поводу других религиозных предпочтений. Суд находит недоказанным наличие в деятельности религиозной общины в г. Москве признаков экстремистской деятельности в форме разжигания религиозной розни с призывами к насильственным действиям».

Суд, хотя и был, подвигаем инициаторами процесса к вынесению суждения об экстремизме религиозной литературы Свидетелей Иеговы, все же в отсутствие, каких-либо фактов подтверждающих наличие конфликтов на религиозной почве, спровоцированных членами религиозной общины Свидетелей Иеговы г. Москвы, не стал выносить суждения об экстремизме, что, однако, не помешало ему принять решение о ликвидации религиозной организации и о полном запрете ее деятельности.

Надо отметить, что данное решение явилось основанием для обращения в Европейский Суд по правам человека и судебного разбирательства в ЕСПЧ, закончившегося вынесением важного Постановления ЕСПЧ [62], которое будет прокомментировано чуть ниже.

6.1. «Последствия» данного решения.

«...Убить хорошую книгу значит почти тоже самое, что убить человека. Кто убивает человека, убивает разумное существо, подобие Божие; тот же, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, убивает как бы зримый образ Божий. Многие люди свою жизнь только обременяют землю; хорошая же книга — драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений. Поистине, никакое время не может восстановить жизнь, да в этом, быть может, и нет большой потери; но длинный ряд веков часто не в состоянии пополнить потерю отвергнутой истины, утрата которой приносит ущерб целым народам».

Джон Мильтон «Ареопагитика».

Полагаем, что изменение законодательства можно в определенной степени назвать «последствиями» данного решения, поскольку, последующая практика подтверждает предположение, что изменение законодательства и последующая

практика преследования Свидетелей Иеговы имеют определенную взаимосвязь. В Федеральном законе от 27.07.2006 N 148-ФЗ, которым были внесены изменения в федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" понятие экстремизма было расширено: в предложении, в котором давалось определение экстремистской деятельности, как «возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни» было удалено «связанной с насилием или призывами к насилию».

После того, как из закона исчезло упоминание, что деятельность, относимая к экстремистской, должна быть связана с насилием или призывами к насилию, сразу же возникло предположение, что утверждение об истинности религиозного учения, и ошибочности других религиозных учениях может быть истолковано, как проявление экстремизма.

Тем более, что исключив из критерия отнесения деятельности к экстремистской фактов призыва к насилию и фактов насильственных действий, возникла угроза отнесения к экстремистской деятельности не на основе фактов, а на основе субъективных мнений.

То, что в головинском суде дважды не признавалось экстремизмом, стало легко признаваемым экстремизмом после этих изменений [63].

Внесенные федеральным законом от 24.07.2007 N 211-ФЗ предоставили прокуратуре возможность обращаться в суды с заявлением о признании материалов экстремистскими, а суды стали обязаны рассматривать такие дела.

После этого, федеральный список экстремистских стал сильно пополняться и религиозная литература в нем занимает значительное место.

Причем порой процесс о признании книг экстремистскими превращался в процесс над книгами. По меткому выражению одного монаха: «обвинительной стороне в этом случае проще. Книга - ответчик безответный, неодушевленный - в свою защиту выступить не может и какого бы то ни было соблюдения процессуальных норм не требует. Ей даже адвокат не положен - суди ее, как хочи. С автором, аргументировано отстаивающим свою позицию, было бы труднее...» [64].

Зачастую религиозные книги даже признавали экстремистскими целым списком...

6.2. Как иногда рождается «экстремизм».

*«На мою свободу слова
Льют ... свободу лжи».
Юрий Шевчук «Ларек (Бородино)»*

Но было бы неправдой утверждать, что все процессы о признании религиозной литературы были без привлечения заинтересованных лиц. Однако, даже прошедшие сравнительно открыто судебные процессы свидетельствуют о том, что существует проблема в разрешении данных споров. Первая проблема на наш взгляд, заключается в том, что после изменения законодательства процесс выявления экстремизма перестал иметь дело с фактами, а стал процессом по истолкованию.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год [65] было упомянуто решение Коптевского районного суда г. Москвы, признавшего "экстремистскими" ряд трудов исламского богослова Саида Нурси. В докладе было указано, что «творчество С. Нурси имеет высокое духовное значение для современного исламского мира, а сам автор входит в число виднейших знатоков и толкователей Священной книги мусульман Корана. Его сочинения издаются во всех мусульманских странах, а также в России. Обращает на себя внимание, что исходное в этом деле обращение прокуратуры Республики Татарстан в Коптевский районный суд (2006 г.) инкриминирует гражданам в качестве нарушения Конституции Российской Федерации и законов просто сам факт их собрания на частных квартирах для ознакомления с религиозной литературой, в том числе с богословскими трудами С. Нурси. Эти труды были признаны судом экстремистскими только на основе заключения социально-психологической и психолингвистической экспертизы, проведенной сотрудниками Института языкознания и Института психологии РАН. Представленные же стороной защиты многочисленные экспертные заключения российских и международных религиозных центров и богословов, светских научных центров и религиоведов были судом

проигнорированы. В своем обращении в Коптевский районный суд Уполномоченный просил отнестись с особым вниманием и осторожностью к решению вопроса, затрагивающего религиозные права и свободы граждан и законно действующих религиозных организаций. Обращение Уполномоченного было также оставлено судом без внимания».

Возможно, испытывая внутреннее несогласие [66] с необходимостью толковать книги, а не факты, некоторые судьи стали прикрываться экспертными заключениями. Причем порой единственная оценка экспертизы заключается в высказывании, что «у суда не имеется оснований не доверять заключениям специалистов, предупрежденных об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ» [67].

Надо отметить, что болезнь не критичного отношения к экспертизам была еще в советское время и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР №1 от 16 марта 1971 года было обращено внимание на «необходимость устранения не критичного отношения к заключению эксперта» и оценки экспертизы, как и всех иных доказательств [68]. Будь суды вышестоящих инстанций более внимательны к не критичному отношению к экспертизам нижестоящих судов может быть не было бы ситуаций когда экстремизм появился на свет лишь в результате толкования экспертов.

Широко известен случай, когда слова «миру мир», написанные на здании военкомата были экспертизой истолкованы, как проявление экстремизма [69].

Не менее курьезные моменты экспертных заключений приведены на сайте Свидетелей Иеговы [70]. В качестве примера приведем цитату из оцениваемой книги «Внимайте пророчеству Даниила» и затем как она была истолкована экспертами [71]:

Цитата: «Гитлер вошел „в соглашение с отступниками от святого завета“». Кто были эти отступники? Очевидно, руководители христианского мира, которые утверждали, что находятся в завете с Богом, но перестали быть учениками Иисуса Христа. Например, он [Гитлер] заключил конкордат с папой

римским» (с. 265). «После войны главы церквей старались сохранить эту дружбу, хотя держава проводила политику атеизма» (с. 272)».

Истолкование экспертов: Эксперт-религиовед: «Книга на с. 272 содержит высказывание, которое является негативной оценкой деятельности Русской Православной Церкви... Несмотря на то, что в тексте нет упоминания РПЦ, фотография православных епископов, размещенная на соседней странице, приводит к мысли о РПЦ. Впрочем, на фотографии изображены сербские епископы, то ли по незнанию, то ли по связи с событиями на Балканах» (с. 16 экспертизы)». Эксперт-лингвист: «Высказывания, которые с точки зрения современного носителя русского языка можно истолковать как приписывание всем представителям христианского духовенства негативных действий» (с. 65 экспертизы)».

В заметке «В России православие признают экстремизмом» [72] приведены не менее курьезные пассажи экспертов. В заметке вначале воспроизведены цитаты из оцениваемой литературы, а затем ее оценка экспертами:

«Цитата: «У Русской православной церкви есть всё: знание об Истине и Истинном Боге, огромный исторический и духовный опыт, миллионы искренне верующих людей; наконец – хорошо управляемая структура и дисциплинированная организация, построенная по иерархическому принципу».

Вывод «эксперта»: Высказывание представляет собой простое предложение с однородными подлежащими (знание, опыт, миллионы верующих, хорошо управляемая структура) при обобщающем слове «всё». Утверждение о том, что у Русской православной церкви есть знание об Истине и Истинном Боге, можно рассматривать как пропаганду ее исключительности.

Цитата: «Двигать горы может только вера, родившаяся из чувства. Но верное чувство в России может развиваться только на Православном фундаменте».

Вывод «эксперта»: В данном предложении утверждается, что чувство в России может развиваться только на православном фундаменте. Употребление

ограничительной частицы «только» свидетельствует о том, что в России может быть исключительно православие. Такую информацию можно рассматривать как пропаганду исключительности православия.

Цитата: «Все мы знаем также, что нам, православным христианам, безусловно суждена победа и на земле, и на небе».

Вывод «эксперта»: Утверждение о том, что православным христианам суждена победа и на земле, и на небе, можно рассматривать как пропаганду исключительности православных христиан. Т. к. слово «суждена», связанное в сознании носителей русского языка с представлением о неизбежности того, что должно произойти, в сочетании со словом «победа», обозначающим «полное поражение противника», и с данным словом со значением уверенности, «безусловно» свидетельствует о том, что победа православия над остальными религиями заранее предрешена.

Итоговый вывод «эксперта»: «Представленное на исследование печатное издание «Знамя русской победы» направлено на возбуждение ненависти и вражды по признакам национальности и отношения к религии, на унижение достоинства человека либо группы...

И еще один вывод «эксперта»: Слово «истинный» в русском языке имеет значение «действительный, настоящий, несомненный». Следовательно, в анализируемых высказываниях утверждается, что православие – это настоящая религия, все остальные религии – ненастоящие. Содержание печатного издания «Третий Рим» направлено на возбуждение ненависти и вражды по признакам национальности и отношения к религии» [73].

Действительно, верующие почти каждой конфессии заявляют, что именно их религия дает правильные ответы на вопросы жизни и мироздания, что, исповедуя только их религию, можно достичь своих целей. Но причина этому не желание кого-либо дискриминировать. Человек, познав то, что помогло ему, хочет также помочь другим и хочет их уберечь от ошибок и заблуждений. Разве такое желание может быть порицаемо? Осуждаемы, могут быть только насильственные действия и такие, которые призывают к насилию.

Поэтому, когда читаешь некоторые подобные экспертизы, а их все больше и больше становится доступными для широкой публики, то иногда приходишь к мысли, что экстремисткой является не анализируемая религиозная литература, а ее истолкование экспертом. Однако, экстремистской признают литературу, называя ее информационным материалом, а не ее истолкование экспертом. Хотя, по логике, именно экстремистское истолкование и должно быть запрещено.

6.3. Должны ли судьи и прокуроры читать оспариваемую литературу?

*«– А вы когда-нибудь читаете книги, которые сжигаете?
Он рассмеялся.*

– Это карается законом».

Рэй Бредбери «451 градус по Фаренгейту»

Тот факт, что порой оценка – истолкование экспертов явно не соответствующие рассматриваемому тексту порождает сомнение в том, что инициаторы процесса и суд удосужились прочесть оспариваемую литературу.

Тот факт, что литература признается экстремисткой одним списком в один день (к сожалению, такие случаи не единичны), хотя просто прочтение всех книг из списка страница за страницей, даже без анализа потребовало бы несколько месяцев, также порождает основание для того, чтобы сомневаться в том, что суд был знаком с содержанием книг, признанных им экстремистскими.

Надо отметить, что представители в данных процессах порой просто пораженные разрывом между содержанием оспариваемых текстов и выводами «экспертов», призывали прокуроров сравнить оспариваемый текст и высказать свое суждение [74]. Каково же было их удивление, когда они узнавали, что прокуроры не только не читали оспариваемых материалов, но и не собираются знакомиться с ними даже в процессе... .

Данные факты трудно комментировать, поскольку трудно дать этому разумное объяснение. Суд обязан оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст.67 ГПК РФ). Прокурор – «око государево», должен осуществлять свои действия также

на основании своего внутреннего убеждения [75], основанного на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Можно ли предположить, что экстремизм в литературе настолько латентен, настолько скрыт, что простым прочтением его не обнаружить? Однако, не обнаружение признаков экстремизма при простом прочтении, сразу же ставит вопрос: а может экстремизм содержаться лишь в толкованиях «эксперта»?

Или можно предположить, что прокурор, прочитавший оспариваемую литературу, может быть настолько безволен, а литература настолько сильна, что он может проникнуться изложенными идеями оспариваемой литературы, что уже не будет поддерживать заявления в суде. Либо прочитав, прокурор встанет перед дилеммой исполнения приказа поддерживать требования, которые противоречат истине, ведь, по сути, поддержание необоснованных требований ничем не отличается от лжесвидетельства. В этом случае непрочтение лишь способ снятия с себя ответственности, который, впрочем, больше напоминает позицию страуса, спрятавшего голову в песок. Ведь рано или поздно правда восторжествует и после очередного проигрыша в ЕСПЧ, прокурор тщательно не желавший ничего знать и лишь исполнявший приказ, может стать лицом обязанным возместить убытки федеральному бюджету в результате выплат по Постановлению ЕСПЧ.

Можно и далее продолжать, но мы все же полагаем, что сотрудники правоохранительных органов должны сами уметь отличать зерна от плевел, иначе они не смогут защищать от необоснованных истолкований и клеветы. Сотрудники правоохранительных органов, так же как и все остальные люди наделены разумом и совестью (ст.1 Всеобщей декларации прав человека), и их деятельность связана с обязанностью признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека (ст.2 Конституции РФ) и обязанностью защиты прав и свобод. В правовом государстве ситуация, когда должностные лица избегают знания фактов и действуют лишь на основе мнений, недопустима.

Но не только должностные лица, считают возможным не знакомиться с оспариваемой литературой, но и суды порой выносят решения так и не ознакомившись с книгами признаваемыми потом экстремистскими. Так в решении от 21 сентября 2010 года судья Железнодорожного районного суда г. Красноярска отклонил ходатайство об оглашении в судебном заседании текста оспариваемого печатного издания Саида Нурси по тем основаниям, что сам по себе печатный материал не является письменным доказательством по делу применительно к требованиям ст. ст.55, 71 ГПК РФ: данная книга является печатным материалом, который подвергался исследованию комиссией специалистов, заключения которых были оглашены... Суд также принимает во внимание, что в письменном заключении специалистов приведены множественные ссылки на тексты книги, содержание текстов буквально в виде цитат из книги изложено в заключении... Т.е судья выносил свое решение без непосредственного исследования оспариваемой книги, целиком положившись на заключение специалистов в нарушение ст. 67 ГПК РФ.

По российскому праву, которое отличается от средневекового инквизиционного, суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Не исследовав оспариваемую книгу и тем самым исключив их перечня доказательств подлежащих исследованию, он также исключил ее и из объекта судебного исследования, то есть, суд уже не мог выносить суждения о книге и его решение могло быть только о признании экстремистским материалом не самой книги, а книги в истолковании комиссии специалистов.

В недавно вынесенном Определении Верховного Суда РФ от 5 октября 2010 г. N 5-В10-67 [76] дал оценку, ситуации, когда суд постановил решение, не ознакомившись с видеозаписями, а ограничившись результатами экспертизы. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что статьей 195 ГПК РФ установлено, что решение суда должно быть законным и обоснованным. Суд основывает решение только на тех доказательствах,

которые были исследованы в судебном заседании. Решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. N 23 "О судебном решении"). Решение является обоснованными тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. N 23 "О судебном решении"). Учитывая, что в силу ст. 157 ГПК РФ одним из основных принципов судебного разбирательства является его непосредственность, решение может быть основано только на тех доказательствах, которые были исследованы судом первой инстанции в судебном заседании. При вынесении судебного решения недопустимо основываться на доказательствах, которые не были исследованы судом в соответствии с нормами ГПК РФ (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. N 23). Принцип непосредственности исследования доказательств судом установлен и ч. 1 ст. 67 ГПК РФ, согласно которой суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Непосредственность судебного разбирательства - это принцип гражданского процесса, определяющий метод исследования доказательств судом и являющийся правовой гарантией их надлежащей оценки, установления действительных обстоятельств дела, формулирования правильных выводов и вынесения правосудного решения. Он заключается в том, что суд, рассматривающий дело, обязан лично воспринимать доказательства по делу, а судебное постановление должно быть основано лишь на исследованных в судебном заседании доказательствах. Исходя из этого принципа суд первой инстанции при рассмотрении дела, как того требует ч.1 ст. 157 ГПК РФ, обязан

непосредственно исследовать доказательства по делу: заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации и пояснения специалистов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи. В данном Определении Верховного Суда РФ был сделан вывод, что суд, рассматривая дело, не просмотрев ни одной видеозаписи..., ограничившись внешним изучением дисков (носителей информации), на которых программа была записана, тем самым заменил личное восприятие исследуемых первоначальных доказательств (видеозаписи телепрограммы ...) и их собственную оценку оценкой производных доказательств, то есть экспертных заключений, которые в силу прямого указания закона (ч. 3 ст. 86 ГПК) для суда не обязательны и не могут являться исключительным средством доказывания. Между тем из содержания ч. 3 ст. 185 ГПК РФ не следует, что назначение по делу в необходимых случаях экспертизы освобождает суд от обязанности соблюдать установленный нормами ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 157 ГПК РФ принцип непосредственного исследования доказательств, как один из основных принципов судебного разбирательства, обеспечивающих вынесение законного решения по делу. Соответственно, суд не должен был класть в основу решения в нарушения принципа непосредственного исследования доказательств лишь производное доказательство (экспертное заключение).

Несоблюдение судом требований закона о непосредственном исследовании доказательств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признает существенным нарушением норм процессуального права, повлекшим вынесение незаконного решения, так как в его основу положены не доказанные судом первой инстанции обстоятельства, имеющие значение для дела.

Христианский апологет [77] 2-го века Августин-мученик, не имея возможности апеллировать к Конституции, ни международным договорам о защите прав и свобод человека, ни к Постановлениям Пленума Верховного

Суда РФ, поскольку их просто не было, искал защиту в разумности и справедливости, так в своем письме императору Антонин Пию он писал: «Я подаю Вам записку не с тем, чтобы льстить Вам или говорить в Ваше удовольствие, но чтобы требовать у Вас справедливости, какую требует разум. Наша просьба ни неразумна, ни дерзка. Мы ничего не требуем, чтобы жалобы на нас строже исследовались и, если они будут основательными, наказывали нас как следует - строго; но если они окажутся не доказанными, то здравый разум не велит по одной молве оскорблять людей невинных, или лучше самих себя, когда Вы действуете не по справедливости, а по страсти. Наша обязанность объявлять о наших действиях и учении [78], чтобы мы не были ответственны за преступления, в которых нас обвиняет невежество и слепота; Ваша же обязанность, которую предписывает Вам разум, - это исследовать дело и поступать, как следует хорошим судьям. Властители, которые предпочитают пустые толки истине, тоже, что разбойники в пустыне» [79].

Наличие, в настоящее время, большего количества средств правовой защиты отнюдь не преуменьшает значения защиты, основанной на требовании справедливости и разумности.

Впрочем, без соблюдения требований разумности и справедливости, защита предоставляемая Конституцией РФ и международными договорами о защите прав и свобод человека может не срабатывать.

В 2009 году Комитет по правам человека, действующий на основе полномочий предоставленных Международным пактом о гражданских и политических правах (далее Пакта), рассмотрев шестой периодический доклад Российской Федерации (CCPR/C/SR.2681) принял заключительные замечания, в которых обратил внимание на проблемные моменты применения Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности", рекомендовав в частности, на необходимость принять все меры по обеспечению независимости экспертов, на заключениях которых основываются решения судов, и гарантировать право обвиняемого на контрэкспертизу с привлечением

альтернативного эксперта, т.е. обеспечить выполнение требований ст.14 Пакта [80].

Но самое главное, на наш взгляд, не просто независимость экспертов, а добросовестность правоприменителей, которые должны оценивать факты и доказательства с учетом требований разумности и справедливости. Наверное был прав Р. Иеринг, утверждая, что юриспруденция есть осадок здравого разума в вопросах права [81].

Здравомыслие - это лучший инструмент для разрешения споров и отправления правосудия.

6.4. Уроки Европейского Суда по правам человека.

Настанет день, когда ты, Франция, ты, Россия, ты, Италия, ты, Англия, ты, Германия – все вы, все нации и континенты, не утрачивая ваших отличительных черт и вашего великолепного своеобразия, все неразрывно сольетесь в некоем высшем единстве и образуете европейское братство... Настанет день, когда единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей...»

Виктор Гюго Речь на открытии конгресса мира в Париже 1849 г.

7 мая 1992 г. Россия еще до принятия Конституции направила заявку о вступлении в Совет Европы. Проект Конституция РФ разрабатывался с учетом будущего участия в Совете Европы и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Проекту Конституции РФ в 1993 году были посвящены три пленарных заседания Европейской комиссии за демократию через право» (Венецианской комиссии Совета Европы [82] и не удивительно, что многие положения Конституции РФ совпадают с положениями международных договоров, к которым Россия была намерена присоединиться. При обсуждении проекта федерального закона о присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы официальный представитель Президента Российской Федерации, первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, председатель Межведомственной комиссии по подготовке к вступлению Российской Федерации в Совет Европы И.С. Иванов отметил, что «целая глава российской Конституции о правах и свободах

человека и гражданина составлена на основе именно Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод» [83].

Вступив в Совет Европы, подписав и ратифицировав Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция), Россия взяла на себя не только обязательство по защите прав и свобод человека, гарантируемых Конвенцией, но и признала обязательность толкований Европейского Суда по правам человека (ст.1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" и п. 32 Конвенции в редакции Протокола №11).

Конституционно-правовое толкование Конвенции и Постановлений ЕСПЧ было дано в пункте 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. N 2-П [84]:

«... Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека - в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, - являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».

Учитывая, что права и свободы человека являются непосредственно действующими (ст.18 Конституции РФ), то толкования ЕСПЧ являются средством лучшего понимания того, как правильно защищать права и свободы человека. Знание практики ЕСПЧ позволяет прогнозировать последствия того или иного вмешательства в права и свободы человека.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 года №4-П усилил ранее выработанные подходы к значению правовых позиций, содержащихся в постановлениях ЕСПЧ, указав, что

содержание конституционных прав и свобод следует определять во взаимосвязи с корреспондирующими им положениями Конвенции [85].

Что порождает обязанность всех правоприменителей учитывать правовые позиции ЕСПЧ. Надо отметить, что ЕСПЧ уже имеет обширную практику в области защиты свободы выражения мнений [86]. Из Постановления в Постановления ЕСПЧ «напоминает, что свобода выражения мнения составляет одну из основ демократического общества и одно из главных условий для его прогресса. С учетом положений пункта 2 статьи 10 она распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или считаются безвредными или нейтральными, но также на оскорбляющие, шокирующие или причиняющие беспокойство. Таковы требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых невозможно "демократическое общество" (см. Постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу "Хэндисайд против Соединенного Королевства" (Handyside v. United Kingdom), Series A, N 24, § 49; и Постановление Европейского Суда от 23 сентября 1994 г. по делу "Йерсильд против Дании" (Jersild v. Denmark), Series A, N 298, § 37)» [87].

Статья 10 Конвенции защищает, в том числе, особый, критический взгляд члена религиозной организации, на борьбу и злоупотребления властей в отношении религиозных сект (Постановление ЕСПЧ по делу «Патюрель против Франции» от 22.03.2006 [88]).

Но Конвенция не защищает призывов к насилию, в качестве примера подтверждения этого утверждения приведем одно из дел рассмотренных ЕСПЧ.

6.4.1 Урок ЕСПЧ – дело о нарушении свободы совести - «97 членов Глданской общины религиозной организации «Свидетели Иеговы» и четверо других заявителей против Грузии».

Конвенция, как разъяснил ЕСПЧ, возлагает позитивные обязательства на государства по защите от возбуждения религиозной ненависти с использованием средств массовой информации и осуществлением насильственных действий на религиозной почве. Наиболее подходящим

примером такого толкования может явиться Постановление ЕСПЧ по делу «97 членов Глданской общины религиозной организации «Свидетели Иеговы» и четверо других заявителей против Грузии» от 2 мая 2007 [89].

По данному делу заявители жаловались на то, что экстремисты из числа православных верующих под предводительством, лишенного сана священника учинили погром собрания иеговистов, избивали и всячески их унижали, сжигали принадлежащую им литературу. При этом как утверждают заявители, в связи с актами насилия и вандализма в отношении иеговистов правоохранительные органы проявили пассивность и практически потворствовали погромщикам; не было проведено эффективного расследования по жалобам потерпевших, и нападавшие не были привлечены к ответственности, то есть государство не приняло мер, чтобы предупредить акты насилия на религиозной почве и наказать виновных. В постановлении ЕСПЧ было отмечено, что «Одному из заявителей полицейский сказал, что он «еще и не то бы устроил» свидетелям Иеговы. Один из участников нападения производил видеосъемку. Запись, на которой можно было опознать ряд нападавших, транслировалась государственным телеканалом, их имена были сообщены властям потерпевшими». Но в дальнейшем надлежащего расследования так и не было произведено. В данном деле ЕСПЧ установил не только нарушение ст. 3 Конвенции, но и ст. 9 Конвенции. По поводу соблюдения требований Статьи 9 Конвенции. На заявителей было совершено нападение, они были унижены и жестоко избиты по мотиву их религиозных убеждений. Нападавшие отобрали религиозную литературу заявителей и сожгли ее у них на глазах. Одному из заявителей обрили голову в качестве религиозного наказания. В дальнейшем заявители столкнулись с полным безразличием и бездеятельностью со стороны властей, которые не предприняли каких-либо мер по их жалобам вследствие их принадлежности к религиозной общине, воспринимаемой как угроза православной церкви. Будучи лишены средств правовой защиты, заявители не могли добиться

реализации своих прав на свободу религии в судах страны. Поскольку нападение представляло собой первый акт широкомасштабной агрессии против членов религиозного сообщества свидетелей Иеговы, небрежность со стороны властей способствовала распространению насилия по религиозным мотивам со стороны той же группы по всей Грузии, что заставляло заявителей бояться нового нападения на последующих религиозных мероприятиях. В данных обстоятельствах власти не выполнили свою обязанность принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы группа радикально настроенных приверженцев православия терпимо относилась к религиозной общине заявителей и позволяла им свободно осуществлять право на свободу религии.

В данном деле ЕСПЧ установил также факт дискриминации (нарушение ст. 14 Конвенции, взятой вместе с ст. 3 и ст. 9) поскольку отказ полиции своевременно вмешаться был в значительной степени обусловлен религиозными убеждениями заявителей. Комментарии и позиция должностных лиц, получивших сообщение о нападении или впоследствии назначенных вести расследование, были несовместимы с принципом равенства всех перед законом. Государство-ответчик позволило зачинщику нападений и далее возбуждать религиозную ненависть с использованием средств массовой информации и осуществлять насильственные действия в сопровождении сторонников, дав им основания полагать, что они пользуются неофициальной поддержкой со стороны властей.

Основной урок данного дела заключается в том, что власти стран-участниц Конвенции, а не только Грузии, обязаны принимать необходимые меры для обеспечения того, чтобы группа радикально настроенных приверженцев той или иной религии терпимо относилась к другим религиозным общинам и не препятствовала им в свободном осуществлении право на свободу религии.

6.4.2 Урок ЕСПЧ – дело о нарушении свободы совести - «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» [90] или продолжение «головинского дела».

«По своей идее и существу всякое правосудие должно быть отысканием права, восстановлением и защитой правды. Только такое правосудие может представляться истинным и справедливым, которое ставит своей задачей охрану действительного, то есть существующего вне и независимо от процесса, материального права».

М. А. Гурвич «Право на иск».

Как мы уже писали выше решение головинского суда о запрете религиозной общины Свидетелей Иеговы г. Москвы стало основание для обращения в ЕСПЧ.

Заявители обращения в ЕСПЧ утверждали, что «отрицательные выводы, к которым пришли российские суды в отношении Общины-заявителя, не были основаны на достоверных и подтвержденных фактах. Все выводы основывались лишь на оценке литературы Свидетелей Иеговы, и никаких признаков того, что кто-либо из членов Общины-заявителя был вопреки своей воле принужден действовать определенным образом, указаны не были. Все публикации поступают из одного и того же источника — главного управления Свидетелей Иеговы, направляются в более 200 стран мира, в т.ч. 45 государств-членов Совета Европы, на 150 языках отдельных народов и сохраняют при этом свое содержание неизменным. И даже при этом, никаких решений о признании граждан виновными в совершении уголовно наказуемых деяний, связанных с данной литературой, не было вынесено ни в Российской Федерации, ни в других странах со схожим законодательством. В ходе разбирательства по данному делу никаких конкретных «действий» со стороны Общины-заявителя не исследовалось. С другой стороны, по крайней мере 14 дней судебного заседания были полностью посвящены обсуждению Священного Писания и назначенная судом психолого-лингвистическая экспертиза содержала ссылки на не менее 205 библейских вопросов, многие из которых зачитывались и обсуждались на стадии исследования доказательств по делу. ...Кроме того, полный запрет и ликвидация группы христиан, исповедующих свои

религиозные убеждения в г. Москве, не были соразмерны какой бы то ни было угрозе, которая, как утверждалось, неизбежно создается литературой, и не подтверждались фактами о каких-либо «действиях» или «деятельности» заявителей. ... заявители указали на то, что запрет деятельности Общины-заявителя имел многочисленные негативные последствия для ее членов. Осуществляя свое христианское служение, они подвергались нападениям и избиениям, но власти при этом не обеспечивали восстановление их в правах. Им приходилось стоять на улице под дождем, после того как был заблокирован вход в помещение, арендованное ими для проведения христианского собрания, а также проводить свои встречи в лесу, поскольку они уже не могли использовать для этой цели зал. Ввиду того что Община в г. Москве была лишена статуса юридического лица, у нее уже не было возможности строить и арендовать места для проведения богослужений, приобретать, ввозить и распространять религиозную литературу и т.д.»

Как мы видим, в заявлении был большой пакет несправедливости, что создает проблемы с комментированием данного дела, в котором достаточно подробно разобраны и все моменты жалобы с разъяснением европейских стандартов, применимых к рассматриваемой ситуации. Поэтому, учитывая цели настоящей статьи, остановимся лишь на вопросах оценки религиозных убеждений и литературы.

Российские власти возражали против требований заявителей и указывали, что распространяемая Общиной-заявителем литература содержит взгляды и идеи, подрывающие уважение к другим религиям.

Согласно письменным замечаниям Российских властей, от «традиционных религий» Свидетелей Иеговы отличает «резкая теократическая иерархия» Общины, «бездумное подчинение» отдельных ее членов, стремление к интеграции семей в жизнь «тотально властного внесветского коллектива» и «военизированная дисциплинарность». Тем не менее, Российские власти утверждали, что в ходе процесса по делу о ликвидации Общины суды не производили оценки вероучения и взглядов Свидетелей Иеговы, а лишь

исследовали вопрос о соответствии деятельности Общины-заявителя как юридического лица российскому законодательству и соблюдении ею прав и свобод других лиц, а также, что вмешательство в форме ликвидации Общины-заявителя было обоснованным, предусмотрено законом, а также отвечало что государство «вправе проверять, не наносит ли вред населению деятельность движений или объединений, преследующих якобы религиозные цели» (см. п. 40 Постановления Европейского суда от 26 сентября 1996 г. по делу «Мануссакис и другие против Греции» (Manoussakis and Others v. Greece), Отчеты (Reports) 1996-IV) и «может правомерно посчитать необходимым принятие мер против определенных форм поведения, включая распространение информации и идей, которые несовместимы с уважением свободы мысли, совести и религии других лиц» (см. п. 47 Постановления Европейского суда от 20 сентября 1994 г. по делу «Институт Отто Премингера против Австрии» (Otto-Preminger-Institut v. Austria), Серия (Series) A, № 295-A).

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года ЕСПЧ, прежде чем оценить доводы сторон существо напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике о том, что в соответствии со статьей 9 Европейской конвенции свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Европейской конвенции. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. На нем основывается плюрализм, неотделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков (см. п. 114 Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII). Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает, *inter alia* [91], свободу «исповедовать [свою] религию»

индивидуально, частным порядком или сообща с другими, публичным порядком или в кругу соверующих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать статью 9 Европейской конвенции в свете статьи 11 Европейской конвенции, которая предусматривает гарантии против необоснованного вмешательства государства в деятельность объединений. С учетом этого право верующих на свободу религии, включающее в себя право исповедовать свою религию сообща с другими, дает основания ожидать, что верующим будет разрешено свободно вступать в объединения без произвольного вмешательства государства. Действительно, независимое существование религиозных сообществ — неотъемлемое условие плюрализма в демократическом обществе и, соответственно, ключевой объект защиты, гарантированной статьей 9 Европейской конвенции. В соответствии с судебной практикой Европейского суда, обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений (см. п. п. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (*Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]*); и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (*Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]*) по жалобе № 30985/96, ECHR 2000-XI).

Оценивая доводы жалобы и решение Головинского районного суда, ЕСПЧ пришел к выводам, что доводы решения не подтверждены фактами, что оценка суда не была беспристрастной и непредвзятой. Так в Постановлении ЕСПЧ отметил, что, выводы Головинского районного суда о нарушении прав детей Свидетелей Иеговы тем, что библейские тексты ограничивали возможность их самостоятельного мышления, препятствовали формированию у них чувства патриотизма и делали их изгоями в социальной среде, были сформулированы со ссылкой на показания экспертов со стороны обвинения и родственников, проявлявших открытую враждебность к религии Свидетелей Иеговы. Тем не

менее районный суд, как видно, не уделил внимания тому, чтобы допросить самих детей, их преподавателей, социальных работников и других родственников. Ввиду отсутствия подобных доказательств, полученных непосредственно от этих лиц, в подтверждение указанных выводов, нельзя признать эти выводы основанными на должной оценке фактов, имеющих значение по делу.

Приведем пример того, как происходили выступления экспертов обвинения: «указав, что случаи освидетельствования лиц, направленных для определения причинения вреда их здоровью от деятельности организации «Свидетели Иеговы» не известны, руководитель группы по разработке материалов о негативных медико-социальных последствиях деятельности в России организаций, имеющих характер деструктивных, тоталитарных сект Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского проф. Кондратьев Ф.В. реализует себя в качестве теолога. «Богословие свидетелей Иеговы крайне примитивно, противоречиво и ориентировано на людей, не знающих Православия, начал истории религии, философии и физики...». Далее, видимо, проф. Кондратьев Ф.В. совмещает функции психиатра и проповедника: «Многие рядовые члены секты искренне и фанатично уверены в благородности и правдивости своей миссии, страстно отстаивают свои взгляды. Так как они не желают вслушиваться и вдумываться в возражения, то очень трудно раскрыть им их ошибки» [92]. В заключении делается вывод о том, что «практика и наставления организации» направлены «на противопоставление или уничтожение традиционной духовности народов Российской Федерации» [93]. Конечно же, у любого юриста, а не только у суда, по ознакомлении с таким заключением должен был возникнуть вопрос насколько психиатр вправе давать такие заключения? Наверное «болезнь» экспертов выходить за пределы своей компетенции существует с тех пор как они появились в судебном процессе, по крайней мере, то что «заключения экспертов всегда крайне решительны и точны, как бы не был скуден материал, на котором эти заключения строятся, как бы мало он не подкреплял этих

заклучений, как бы мало сами заключения не соответствовали науке ...» [94] было замечено еще в 19 веке. Причем «авторитетностью своего заключения эксперты предрешают все дело, устраняют участие собственно суда и как бы устраняют всякую возможность других доказательств, другой более широкой оценки... наука не дает экспертам ни права, ни средств, для разрешения этих широких вопросов; а потому ясно, что эксперты, в действительности, оставляя всегда прочную и однообразную, неизменную, почву науки и продолжая лишь говорить от ее имени, судят о деле с чисто личных произвольных точек зрения, а эти точки зрения меняются, если не с каждым делом, то с каждым экспертом» [95].

Поэтому суд должен основывать свое решение на тщательном анализе всех доказательств и критически относиться к экспертизам, а не слепо им доверять. Еще в советское время и в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР №1 от 16 марта 1971 года было обращено внимание на «необходимость устранения не критического отношения к заключению эксперта» и оценки экспертизы, как и всех иных доказательств [96].

В рассматриваемом случае предвзятость экспертов и свидетелей обвинения суд мог установить и без Постановления ЕСПЧ. Так адвокат, представлявший религиозную общину Свидетелей Иеговы в головинском суде писал: «...свидетели обвинения, среди которых члены антикультистских комитетов и психиатры, полагающие возможным лечить инаковерие в психиатрических реабилитационных учреждениях. 29 сентября 1998 г. прокурор ходатайствовал о добавлении к этому списку А.Л.Дворкина [97] - сотрудника Московской Патриархии, неоднократно публично утверждавшего о мафиозности “сект”, к которым он относил и Свидетелей Иеговы, А.Н.Хвыли-Олинтера, до сей поры боровшегося против кришнаитов, но под угрозой судебного иска заключившего с ними мировое соглашение, и Метлик И.В., так называемого “эксперта”, открыто объявившей себя сторонником Русской Православной церкви. Суд согласился на расширение списка свидетелей

прокурора, несмотря на возражения представителей Свидетелей Иеговы, указывавших на их заведомую ангажированность» [98].

Но суд не выполнил свои обязанности по оценке беспристрастности экспертов и свидетелей, что повлекло вынесение неправоудного акта и признание ЕСПЧ нарушения Россией конвенционных прав и свобод человека.

ЕСПЧ в комментируемом Постановлении также указал, что национальные суды истолковали положения ФЗ «О свободе совести...» как не требующее предоставления доказательства реального причинения вреда жизни или отдельным органам тела. [Согласно толкованию, данному национальными судами,] тот факт, что в своей религиозной литературе Община-заявитель провозглашала важное доктринальное значение воздержания от переливания крови и распространяла среди своих членов бланки карточек «Никакой крови», мог сам по себе быть достаточным основанием для инициирования запрета ее деятельности. Этот вывод привел к тому, что часть учений Свидетелей Иеговы, связанных с отказом от медицинского лечения, были признаны незаконными, и явился признанием их религиозных убеждений по вопросу святости крови нелегитимными. Тем не менее Европейский суд напоминает, что в соответствии с Европейской конвенцией государство не наделено правом выносить решение о том, каким верованиям можно обучать, а каким нет, поскольку гарантированное Европейской конвенцией право на свободу религии исключает какую-либо свободу действий со стороны государства по определению легитимности религиозных верований или средств, используемых для их выражения (см п. 47 Постановления Европейского суда делу «Мануссакис и другие [против Греции]» (Manoussakis and Others [v. Greece])).

В итоге ЕСПЧ пришел к выводу, что вмешательство в права заявителей на свободу религии и объединений было необоснованным. Национальные суды не представили «относимых и достаточных» оснований, свидетельствующих о том, что Община-заявитель принуждала к разрушению семьи, нарушала права и свободы своих членов и третьих лиц, склоняла своих последователей к самоубийству и отказу от оказания медицинской помощи, посягала на права

родителей, не являющихся Свидетелями Иеговы, и их детей, а также побуждала своих членов к отказу от исполнения установленных законом обязанностей. Санкция, назначенная российскими судами, имела чрезвычайно суровый характер ввиду негибкости национального законодательства и не была соразмерна какой-либо преследуемой легитимной цели. Следовательно, имело место нарушение статьи 9 Европейской конвенции, взятой в совокупности со статьей 11 Европейской конвенции.

Какие же уроки можно извлечь из данного Постановления? Прежде всего, нужно в полной мере осознать и учитывать в правоприменительной практике, что свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества».

Затем учесть, что государство не наделено правом выносить решение о том, каким верованиям можно обучать, а каким нет, поскольку гарантированное Европейской конвенцией право на свободу религии исключает какую-либо свободу действий со стороны государства по определению легитимности религиозных верований или средств, используемых для их выражения.

Что суды не должны выносить решения, основываясь не на мнениях, а должны руководствоваться фактами, которые должны быть подвергнуты беспристрастной и непредвзятой оценке.

Законодателю нужно учесть, что законы должны соответствовать требованиям Конвенции, а правоприменителю, нужно помнить, что нормы Конвенции в их толковании, даваемом ЕСПЧ, имеют приоритет над нормами национального законодательства.

7. Вместо эпилога

«Народ, забывший свою историю, обречен на то, чтобы повторять ее вновь».

Джордж Сантаяна «Жизнь разума».

Закачивая эссе, полагаем возможным обратить внимание читателя, что европейские стандарты, это, прежде всего, лишь надлежащий учет уроков

истории, горького опыта борьбы за свободу личности от необоснованных ограничений, опыта, который послужил основанием для принятия Всеобщей декларации прав человека.

Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод была принята лишь в качестве первых шагов по реализации Всеобщей декларации прав человека и ЕСПЧ обеспечивает, чтобы страны-участницы не делали «шагов назад»...

Почти каждая европейская страна, а не только Россия имеет негативный опыт подавления свобод человека и, в том числе, опыт борьбы с инакомыслием. Задача любой страны-участницы Конвенции не воспроизводить свой негативный опыт и защищать права и свободы. В России история борьбы с инакомыслием достаточно длительная, но извлечены ли из этого надлежащие уроки? К сожалению, иногда мы видим воспроизведение прежних методов борьбы с инакомыслием, разве что уже не под знаменем воинствующего атеизма, а борьбы с экстремизмом. Псевдоборцы с экстремизмом причиняют не меньший вред правам и свободам, чем настоящие враги прав и свобод человека. Их деятельность не только приносит обязанность в виде выплат по Постановлениям ЕСПЧ, не только подрывает авторитет России на международной арене, но самое главное подрывает у граждан доверие к государству. Доверие – без которого не построишь демократического правового государства, в котором гражданское общество помогает государству в развитии свободного общества свободных личностей.

Полагаем, что Россия, провозгласив себя демократическим правовым государством, должна и может сама осознать прежний негативный опыт подавления инакомыслия и на основе этого реализовывать политику защиты прав и свобод человека, как основного предназначения государства (ст.2 Конституции РФ). Конечно, получив очередное Постановление ЕСПЧ, в котором в очередной раз Россия признана нарушителем Конвенции, может возникнуть желание спорить и не соглашаться с этим фактом. Но ЕСПЧ, лишь помощник стран-участниц, который помогает увидеть просчеты в

национальной системе защиты прав и свобод человека, дабы страна-участница Конвенции приняла необходимые меры для того, чтобы не только восстановить уже нарушенные права, но и сделать так, чтобы такое или подобное нарушение не повторялось.

На семинаре «О роли представителей государственной власти в обеспечении эффективной защиты прав человека», состоявшемся в г. Братислава, 3 апреля 2008 г. заместитель генерального секретаря Совета Европы г-жа Мод де Бур-Букиккио подчеркнула, что представители государственной власти должны быть не только представителями государства в Страсбурге, а также и представителями системы Конвенции в своих столицах [99]. Что благодаря их полному знанию прецедентного права Страсбургского суда они могут играть роль "правовых сторожей", и предупреждать национальные органы власти о важных изменениях в прецедентном праве суда, не только в отношении тех, которые касаются только их стран, но и тех, которые могут оказывать влияние на внутренние правовые системы. Также она обратила внимание на то, что представители государства играют важную роль в структуре исполнения решений суда, поскольку в большинстве случаев они хорошо подготовлены в плане инициирования и координирования, принятия различных мер на национальном уровне.

Безусловно, нельзя не согласиться с данной позицией г-жи Мод де Бур-Букиккио, конечно же, деятельность Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ должна в полной мере соответствовать данной позиции, и заключаться, в том числе, и в «принесении прав человека домой». По всей видимости, именно поэтому Указом Президента РФ от 6 июля 2010 г. № 836 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 "Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителе Министра юстиции Российской Федерации" и в Положение, утвержденное этим Указом» [100] были внесены изменения и была уточнена компетенция Уполномоченного Российской

Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации:

«...обеспечение взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении ими постановлений Суда и решений Комитета министров Совета Европы в связи с жалобами о нарушении Российской Федерацией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая восстановление нарушенных прав заявителей, выплату им присужденной Судом денежной компенсации и принятие мер общего характера, направленных на устранение и (или) предотвращение нарушений Российской Федерацией положений указанной Конвенции...».

Оценивая положительно положения данного Указа Президента РФ, полагаем, что наличие усилий государства по реализации положений Конвенции, не снимает ответственности, каждого, кто столкнулся с нарушением прав и свобод, предпринять усилия по их восстановлению, ведь «борьба за право есть обязанность управомоченного по отношению к самому себе» [101].

Список использованной литературы:

- Владимиров А. В поисках православия. Современники. М. 2000.
- Вольтер. Бог и люди (Из философского словаря). М. 2010.
- Гогель С. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковна. 1894
- Голубок С.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации: начало петербургского периода и несколько слов в защиту периода московского // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. №6(73).
- Голубок С.А. Постановление Конституционного Суда России от 26 февраля 2010 г. № 4-П: есть ли суд после Суда?// Сравнительное конституционное обозрение. 2010. №3(76).
- Григулевич И. Р. Инквизиция. М. 1985.
- Иеринг Р Борьба за право. СПб. 2006.
- Иеринг Р. Юридическая техника. СПб. 1905.
- Комментарий к Конвенции о защите прав и основных свобод человека и практике ее применения. под ред. Туманова В.А., Энтина Л.М. М. 2002.
- Круг П., Свонн П. Статья 10 Европейской Конвенции по правам человека в прецедентом праве Европейского Суда по правам человека. <http://www.medialaw.ru/article10/5/6.htm>

- Лопухин А.П. Суд над Иисусом Христом
- Маранов Р.В. Практика Европейского Суда по правам человека по делам о свободе совести. М. 2009.
- Крылова Г. А. Нацизм, коммунизм и «традиционный образ жизни»—История Свидетелей Иеговы во время судебного процесса статья доступна в сети Интернет по адресу: http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/moscow/historycom_u.htm
- Крылова Г.А. Описание судебного заседания о ликвидации религиозной общины Свидетелей Иеговы в г.Москве статья доступна в сети Интернет по адресу: http://www.jw-russia.org/sudebnyeprotsessy/moscow/19980930com_u.htm
- Мигеле де Сальвиа Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб. 2004. С.619-687; Кучин М.В. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека. Екатеринбург. 2004.
- Нежный А.И. Уроки сектоведения. Московские новости, 12.01.1999.
- Нерсесянц гацо; Свидетелей Иеговы отличает В. С. Сократ. М. 1984.
- Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М. 2007.
- Платон. Апология Сократа//Сочинения. М.1968.
- Прокошев П. Церковное судопроизводство в период вселенских соборов и влияние на него римско-византийского процессуального права. Казань. 1900.
- Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М. 1962
- Рассел Б. История западной философии. М. 2006.
- Свобода выражения мнения в правовых позициях Европейского Суд по правам человека. Под ред. Берестнева Ю.Ю. М. 2004. Том 1, 2.
- Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. СПб. 2004. С.704
- Стандарты Европейского Суд по правам человека и российская правоприменительная практика. Под ред. Воскобитовой М.Р. М. 2005.
- Султанов А.Р. Применение европейских стандартов в гражданском судопроизводстве на примере проблемы «экстремистских дел». Адвокат. №8. 2010.
- Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М. 2006.
- Талберг Н. История христианской церкви. М. 1991.
- Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Ленинград. 1991.
- Хаббард Л. Рон Дианетика: современная наука о разуме. М. 2005.
- Хаббард Л. Рон Целостность личности// Что такое Саентология. М. 1998.
- Шюре Э. Великие посвященные. М. 2008

